

На следующее утро Луисус вновь наведлся на Тисовую улицу, дом 4, в сопровождении Итана и двоих помощников, которые тихо застыли позади них. От всей процессии исходила строгая, безмолвная и собранная аура.

На этот раз дверь открыла Петунья. Её взгляд бегло скользнул по толстой стопке аккуратно сшитых бумаг в руке у Итана, губы сурово сжались в нитку. Взвесив всё про и против, она в конце концов отступила в сторону и сухо, глухо бросила:

— Проходите.

В гостиной Вернон уже восседал на диване. Завидев переступающих порог людей Луциуса, он сначала инстинктивно подался назад, вжавшись спиной в спинку кресла, но тут же — словно отброшенный невидимой пружиной — неестественно выпрямился, напряжённый и донельзя скованный.

Дадли забился в угол дивана, уткнувшись в игровую приставку и самозабвенно играя, словно весь остальной мир не имел к нему никакого отношения.

Свита Луциуса уверенно прошла в центр гостиной.

Итан сделал шаг вперёд и аккуратно положил стопку документов на журнальный столик. Звук падающих бумаг оказался негромким, но на старой деревянной столешнице прозвучал тяжело и весомо, как поставленная точка.

Получив молчаливое разрешение Луциуса, Итан заговорил — его профессиональный и спокойный голос был лишён каких-либо эмоций:

— Мистер Дурсль, миссис Дурсль, я Итан Патрик, личный юридический советник мистера Луциуса. Сегодня мы прибыли с полным пакетом законных документов, чтобы завершить процедуру передачи опеки над мистером Гарри Поттером.

Он вытащил самый верхний лист цвета слоновой кости. Края бумаги были тиснены изысканным тёмно-золотым узором, а сверху красовалась ярко-красная гербовая печать Уилтширского окружного суда — торжественная и не терпящая возражений.

— Это предварительное заключение об опеке над несовершеннолетним из аристократической семьи, оно уже прошло первоначальное судебное рассмотрение в окружном суде. Вам двоим достаточно лишь убедиться в правильности данных и поставить подписи для вступления документа в силу.

Вернон тяжело сглотнул, его голос прозвучал жестко и растерянно:

— Какие еще подписи?

Луциус протянул руку и легко перевернул страницу документа, его взгляд был спокоен, но нёс в себе огромную давящую силу:

— Соглашение о передаче законной опеки над Гарри Поттером. Семья Малфой обладает в Уилтшире всеми законными правами на воспитание несовершеннолетних, и я уже официально подал прошение о смене опекуна. Согласно действующему законодательству Великобритании, если законные опекуны не способны обеспечить несовершеннолетнему надлежащие условия для жизни и развития, суд имеет право пересмотреть вопрос о назначении опеки.

Лицо Вернона мгновенно покраснело, и он инстинктивно повысил голос, возражая:

— С чего это мы не обеспечили ему условия? Он живет в нашем доме, ест нашу еду...

— Мистер Дурсль.

Тон Луциуса остался негромким, но реплика прозвучала холодно и отрезала любые оправдания на корню. Ни единой нотки волнения, но каждое слово попадало в самую точку.

— Позвольте заметить, мистер Поттер проживает в тесном, холодном и сыром чулане под лестницей, питается вашими объедками и носит чужие, сшитые не по размеру обноски. Если вы настаиваете на том, что это и есть надлежащее содержание, мы вполне можем передать дело в суд, чтобы там официально дали определение тому, что именно входит в понятие базовых условий для жизни.

Вернон лишился дар речи. Петуния стояла возле дивана, её пальцы судорожно вцепились в собственный подол, а охватившая душу растерянность и беспомощность достигли предела.

Итан тут же извлек второй документ. Плотная бумага выглядела старомодной и солидной, к ней прилагалась старинная рукописная печать, а сургучная печать рода Малфой на сгибе подтверждала древность и благородство рода, обладая неоспоримой убедительностью.

— Этот документ подтверждает международную нотариальную аккредитацию семьи Малфой. Он законно удостоверяет состояние семьи, ее статус, способность к воспитанию и права на опекунство, полностью удовлетворяя всем условиям для независимого усыновления и содержания несовершеннолетнего.

Он разложил оба увесистых документа рядом на журнальном столике.

Одна бумага — судебный вердикт, другая — незыблемая опора знатного рода. Они окончательно перекрыли семье Дурслей любые пути к отступлению.

Следом Итан достал третий предмет — открытый толстый конверт из плотной кожи, в котором мирно покоился чек. Выбитая на нем астрономическая сумма ясно давала понять: этих денег

хватит, чтобы перевернуть жизнь любого простого человека.

Наконец, он извлек официальное письмо в конверте с золотым тиснением — подлинное извещение о зачислении в Итонский колледж.

Чистая, строгая бумага, на вершине которой красовалась вековая эмблема учебного заведения, а четкий печатный шрифт ясно гласил: Дадли Дурсль.

Взгляд Вернона прилип к извещению о зачислении, грудь часто вздымалась, а жадность и колебания бурной волной поднимались в наступившей тишине.

Долгая, мертвящая тишина заполнила гостиную. Выждав, пока оба хорошенько взвесят все плюсы и минусы, Луциус чуть смягчил тон и, словно беседуя о пустяках, бросил на кону решающую ставку:

— Мистер Дурсль, я знаю, что вы растили Гарри девять лет, срок немалый. Семья Малfoy готова выплатить за это полную компенсацию.

Его пальцы чуть толкнули конверт и извещение. Кожаный конверт плавно скользнул по гладкому столу и остановился прямо перед Верноном.

— Этого вознаграждения с лихвой хватит, чтобы купить просторный и прекрасный новый дом, дать вашему сыну лучшее образование в элитной частной школе, а до конца ваших дней обеспечить жизнь без нужды беспокоиться о куске хлеба. В дальнейшем за все, что касается Гарри Поттера, целиком и полностью отвечает семья Малfoy, и вам больше не придется тратить на это ни малейших душевных сил.

Вернон сухо поднял глаза и отрешенно переспросил:

— Вы собираетесь забрать его? Вот так... просто забрать?

— Не забрать, — спокойно поправил Луциус. — Законно перевести в другое место, избавить от среды, где он был лишен заботы, и передать под опеку семьи, обладающей высшими возможностями и способной проложить ему прямую и светлую дорогу в будущее.

Долго хранившая молчание Петуния наконец подала голос, в её тоне сквозило растерянное желание услышать подтверждение:

— Он... больше не доставит нам хлопот?

Луциус повернулся к ней. Петуния стояла у края дивана, и в её зеленых глазах — точь-в-точь как у Лили Эванс — не было ни слёз, ни обиды. Лишь застарелая, выцветшая за долгие годы

серая тупость, скрывающая глубочайший страх и желание сбежать.

Луциус смягчил голос — его низкие слова прозвучали удивительно ясно, в одно мгновение разрешая их девятилетнее внутреннее терзание:

— Миссис Дурсль, отныне Гарри Поттер не причинит вам ни единой проблемы. Вам больше не придется со страхом гадать, когда же в нем вновь проявится что-то странное, не нужно будет с опаской избегать всего необычного и ночи напролет дрожать от ужаса при мысли, что этот «инородный» ребенок вдруг станет тем, кем вы не сможете управлять или что не сможете объяснить.

Когда Луциус произнес фразу: «Вам больше не придется со страхом гадать, когда же в нем вновь проявится что-то странное», — взгляд Петунии на полсекунды метнулся в сторону, а затем вернулся обратно. Она стояла неподвижно, слушая, как чужак произносит вслух тот самый страх, в котором она боялась признаться самой себе все эти девять лет.

Все эти девять лет её черствость, холонокровие и демонстративное пренебрежение по отношению к Гарри наполовину питались глубоко укоренившимся страхом перед магическим миром, а наполовину — тем сложным, горьким наваждением из-за Лили, в котором Петуния не желала признаваться даже на смертном одре.

Она боялась, что Гарри вырастет второй Лили.

Боялась, что этот непохожий на других ребенок в конце концов разрушит ту заурядную и безопасную жизнь, которую она девять лет по крупицам выстраивала и берегла, сокрушит её хрупкий обывательский мир.

Луциус не стал ворошить самые потаенные складки её души, оставляя ей крохи человеческого достоинства и дожидаясь, пока она сама развяжет узел, затягивавшийся годами.

— Он... будет жить лучше, чем здесь? — едва слышно спросила Петуния.

Луциус чеканно чеканил каждое слово:

— Да. Семья Малфой дает слово.

Взгляд Петунии медленно опустился, скользнув по аккуратной стопке нотариальных бумаг на столе, золоченому извещению из Итона и гигантскому чеку.

Сидящий рядом Вернон уже не мог сдерживаться, раздраженно цыкнув с крайним нетерпением.

В этот самый момент Петуния еле заметно, едва уловимо кивнула.

Убедившись, что жена дала добро, Вернон тут же растерял всю свою наигранную уверенность. Недовольно пробормотав:

— Все эти ваши богатейские штучки я всё равно не понимаю...

Итан спокойно достал из портфеля перьевую ручку, отвинтил колпачок и аккуратно положил её рядом с бумагами. Его голос оставался ровным и профессиональным, без малейшей тени эмоций:

— Вам и не нужно понимать. Требуется лишь ваша подпись в знак согласия.

Серебристый корпус ручки замер на белизне бумаги, пойманный утренним лучиком света, который рассыпался по ней холодными искрами, словно последняя печать, ставящая точку в судьбе.

Вернон протянул руку, взял ручку и неразборчиво, с нажимом чиркнул кривыми буквами в графе подписи. Раз, второй, третий — каждый штрих означал окончательный отказ от девятилетней опеки.

Закончив с последней подписью, Итан в привычном порядке выровнял все документы, аккуратно сложил их в портфель, защелкнул застёжки, обернулся и тихо доложил:

— Сэр, все процедуры вступили в силу, процесс завершен.

Дело было решено.

— Гарри, — внезапно позвала Петуния. Голос её звучал тихо, но удивительно ровно, без каких-либо эмоций.

Дверь под лестницей качнулась и через мгновение медленно приоткрылась.

Гарри стоял на пороге. Его взгляд сразу же безошибочно упал на Луциуса, и в чистых зеленых глазах крошечной, тихой и стремительной искрой затеплился свет.

Луциус посмотрел на него, чуть наклонился, сравнившись с мальчиком ростом, и произнес мягко, но весомо:

— Мистер Поттер, все формальности улажены. Если вы хотите пойти со мной, можете уходить прямо сейчас.

Гарри опустил руки, спокойно стоя полуоткрытой двери.

Он поднял глаза на Петунию: женщина отвернулась, намеренно избегая его взгляда;

Перевел взгляд на Вернона: тот уже давно впериł жадный и восторженный взгляд в спасительный чек;

Посмотрел на Дадли: этот мальчик, избивавший его с самого детства, от начала и до конца был занят лишь своей приставкой и не обращал ни малейшего внимания на то, уходит Гарри или остается.

<http://bllate.org/book/21194/2145682>